

МАРИНА СТРУКОВА

О ПРЕДКАХ — ТАМБОВСКИХ И РЯЗАНСКИХ

Мои первые воспоминания о бабушке: она в чёрной одежде и тёмно-синем ситцевом платке сидит под огромной цветущей вишней, низко разбросавшей белое кружево ветвей, и чуть покачивает детскую коляску, где спит моя младшая сестра. У бабушки профиль Ахматовой, она всю жизнь напоминала эту известную поэтессу. Удлиненный овал лица, нос небольшой, с горбинкой, серые глаза. Иногда бабушка снимала платок, чтобы расчесать и снова заплести свою длинную косу, которую оборачивала короной вокруг головы, закрепляя десятком шпилек и узорчатым гребнем. В волосах до последних лет было мало седины.

Другое воспоминание. Бабушка тихо говорит:

— Ксения умерла. — Отходит к окну и беззвучно плачет. Наверное, видит не наш вишневый сад, а рязанское село, где прошли детство и юность. Ксения — старшая сестра бабушки. Над поволжским посёлком яркое степное небо. Мне нет и пяти лет. Мои родители ещё не расстались. Я играю в войну с соседскими мальчишками. И уже написано первое четверостишие.

Бабушка приезжает к нам из Тамбовской области, из села Чащино. Последние двадцать лет живёт там. Прежде, не имея своего дома, меняя рабочее место, Струковы часто перебирались из района в район, из области в область. Дед и бабушка — оба педагоги. Бабушку такое кочевье особенно тяготило. Её детство прошло в семье, где дорожили крепким укладом, основательным хозяйством, старыми традициями.

Звали бабушку Елена Фёдоровна, в девичестве — Кочеткова. Она родилась 14 мая 1916 года в селе Соловые Чаплыгинского уезда, позже Раненбургского района Рязанской губернии. Умерла 15 января 2003 года в селе Чащино Тамбовской области. Родителей бабушки звали Фёдор Степанович Кочетков и Гликерия Петровна Пижонкова. Эти имена звучали первыми, когда бабушка читала Псалтырь, поминая умерших — за упокой, живых — за здравие: “Фёдора, Гликерии, Стефана, Агафии, Петра, Дарьи...”. Дальше шли перечисления её дедов и бабушек. Читала каждый день. Так же как молитвы, посвященные праздникам церковного календаря, а также утреннюю и вечернюю. Находясь рядом, я была невольным её слушателем, поэтому помню наизусть отрывки на церковно-славянском, да что там — некоторые акафисты почти целиком. По образованию бабушка была учительницей русского языка и литературы. Знание классики и высокая грамотность сочетались с глубокой религиозностью, воспитанной в семье, основой которой были вера и труд. Её отец был зажиточным крестьянином.

— Когда я была ещё маленькой для работы в поле, то порой оставляли следить за хозяйством. Вот уйдут старшие, я останусь одна. Накормлю скотину, уберу просторный дом, выскребу до желтизны некрашенные доски пола и жду у окна. Придёт отец, подхватит на руки, скажет: “Какая же ты у меня умница, Алёнушка!”. Иногда мать посылала меня отнести еду работавшим на жатве. Вот бегу я по тропинке, а хлеба — выше моего роста, сейчас они не так поднимаются. Подросла, стали брать на работу в поле. Хотя и батраки были у нас. Зной, хочется пить, вся вода в кринках кончилась. Пойдѐшь к роднику, а там мошкара, листва плавает, цедишь воду через платок...

У Елены были две сестры — Ирина и Ксения. Старшая — Ирина, родившаяся в 1906-м, семнадцатилетней умерла от простуды, ранней весной испулавшись в озере. Средняя — Ксения родилась в 1911 году, умерла в 1979-м, пережив ссылку, из которой удалось бежать. Замуж она так и не вышла, жила монахиней в миру, дала обет успокоить старость родителей.

Неподалѐку в селе Дубовом находился святой источник. Со всей округи шли к нему за целебной водой. Люди уверяли друг друга, что заглянувший в колодец увидит икону, но каждый — свою: кому-то является образ Богородицы Казанской, а кому-то Владимирской, кому-то Иисус Христос, а кому-то Сергей Радонежский. Мать повела Елену, тогда шести-семилетнюю, в Дубовое. Среди зелени увидели замшелый деревянный сруб колодца, вокруг которого толпились богомольцы, пели молитвы, набирали воду. С трепетом, истоиво перекрестившись, девочка склонилась над дышащей холодом глубиной. Сверху и её и колодец накрыли холстом, чтобы ничто не отвлекало от созерцания. Елена оказалась наедине с тайной. В какой-то миг ей вдруг почудилось, что, всплывая сквозь чѐрное стекло воды, засияло золото оклада, появился образ...

Ошеломлённая, выныривает она на свет, снова оказавшись среди шумного любопытствующего люда. Её спрашивают. А под холст вступает другой человек, жаждущий чуда.

Тогда уже наступило время Советской власти, которой святыни старого мира мешали. От святого источника решили избавиться. Приехал грузовик с грудой щебѐнки, которую обрушили в колодец. Вода пробивалась сквозь щебень и продолжала течь. Привезли ещё камней. Ручеёк не иссякал. Через некоторое время ведавший этим мероприятием районный руководитель тяжело заболел, и ему не замедлили объяснить, что это, видимо, Божья кара. Раскаившийся начальник велел расчистить колодец, выздоровел, всё закончилось как в доброй сказке. Не знаю, такова ли на самом деле история, запомнимшаяся бабушке в детские годы. Прочла в интернете, что сейчас над колодцем воздвигли часовенку, туда по-прежнему ходят люди.

* * *

Елене Кочетковой не было и пятнадцати лет, когда её отца — Фѐдора Степановича арестовали. Не отстреливал он красных на лесной дороге, не бывал в бандах, в отличие от другого моего прадеда Александра Струкова, но в разговорах с односельчанами отговаривал их вступать в колхоз и осуждал разрушение церквей.

Его дважды арестовывали — в 1924 году и в 1937 году за агитацию против колхозов, за отстаивание своих политических взглядов. Был в тюрьмах Раненбург, Ельца, Рязани, Петербурга, Москвы, где его пытали в Бутырках, чтобы добиться нужных показаний — обливали на морозе водой, а когда одежда замерзала, затаскивали в помещение. Дождавшись, когда одежда оттает, вновь вытаскивали на улицу и обливали водой. “Как Карбышева”, — сравнивала моя бабушка, вспоминая генерала, замученного немцами. Прадед Фѐдор был сослан в ГУЛАГ. Отбывал срок на Соловках и на полуострове Ямал. Перевезѐн перед освобождением в Потьму. Отбыл срок десять лет. Когда вернулся, тех, кто его сажал, уже не было в живых. А у Федора Степановича ещё хватило сил построить дом семье, которая была лишена крова и ютилась чуть ли не в землянке...

Когда он отбывал срок, семью раскулачили, хотя и числились они середняками. Но надо было продолжать жить. Елена поступила в Раненбургское педагогическое училище, мечтая стать учительницей русского языка и литерату-

ры. В их семье детям прививали любовь к книге, родители, несмотря на скромное церковно-приходское образование, были по-своему просвещёнными, читающими людьми. Да и своих школьных учителей бабушка всегда вспоминала с теплотой и благодарностью.

...И вот юная Елена сняла комнату у пожилой жительницы Раненбурга, прилежно учится, начинает путь во взрослую жизнь. Сохранились её фотографии тех лет. Удлиненный овал лица, высокий чистый лоб, серьезные ясные глаза под плавными дугами бровей. Хрупкая шея над ажурным воротничком скромного платья.

Тогда в Рязанской губернии вошёл в силу Союз воинствующих безбожников, созданный в 1929 году. Союз вел борьбу с религией, поддерживаемую средствами массовой информации. В Рязанской епархии закрыли около двухсот приходов. Комсомольская молодёжь педучилища старалась увлечь всех однокурсников и знакомых в ряды Союза. Елена решительно отказалась вступить в организацию. Директор пригрозил ей, что отчислит. Огорчённая девушка уехала домой. Но, видимо, красная общественность только пыталась брать на испуг. Пожилые авторитетные преподаватели, сами втайне не оставившие религию, заступились за Елену перед руководством и вскоре передали мятежнице, что она может вернуться к учёбе. Ближе к окончанию училища её настигло известие об аресте сестры Ксении, которую Елена привыкла звать няней — та была старше на десять лет и присматривала за ней в детские годы. Теперь Елена стала членом семьи врагов народа.

В районном отделе народного образования знакомая заведующая посоветовала ей устроиться на работу в другую область, затеряться в чужих краях. Летним утром тоненькая девушка с пышной русой косой ступила на перрон станции Богоявленск. Навстречу ей шагнул высокий темноволосый молодой человек. Директор сельской школы приехал встречать новую учительницу. По специальности математик, закончивший институт, он был ещё и художником-любителем. Молодые люди пришлись по душе друг другу. Вскоре дружба переросла в более серьёзное чувство. Николай сделал Елене предложение. Они поженились в селе Козинки Богоявленского района Тамбовской области. 8 июля 1938 года у молодых родился сын Лев, 20 августа 1940 года родилась дочь Любовь. Струковы несколько раз меняли место работы. Работали в селах Тамбовской области: Алексеевка, Александровка, Сергиевка.

* * *

Дедушку забрали на финскую войну. Мне смутно вспоминаются обрывки его рассказов. О том, какими искусными лыжниками были финны. Неслышно возникали они рядом с расположением советских войск, бесшумно убивали наших и мгновенно исчезали в белом безмолвии морозной ночи. Однажды Николай и его друг стояли на посту возле большого склада. Застыли огромные оснеженные сосны. Облака клубились в звёздной бездне, и там, в туманном мареве, в неверном свете ему почудилось — увидел свою юную жену с младенцем на руках. И тут же сонное видение исчезло. Утром обнаружилось, что один из часовых зарезан финнами. Николай остался жив. Может быть, молитвами любящей жены. А старый солдат, воевавший ещё в Гражданскую, пояснил Николаю смысл его странного видения: “Это к долгой разлуке. Не иначе будет новая война”. Едва Николай вернулся домой с финской, как грянула Вторая мировая.

Бабушка осталась одна с двумя малыми детьми, дедушка снова ушел на фронт. Ей приходилось собирать колоски на колхозном поле, страшась, что заметят и арестуют. Печь хлеб с лебедой. Однажды бабушка с дочкой попали под бомбёжку недалеко от станции Чаплыгин, лежали во рву возле вагонов, а вокруг грохотали взрывы. Как-то, взяв лошадь у соседей, зимой на санях ездила за продуктами. Возвращалась вечером через лес, и тут стала преследовать стая волков. Елене было лет двадцать шесть—двадцать семь. Только представить себе это — одинокая молодая женщина в чаще, голодные звери, настигающие её. Только когда у околицы села загнанная лошадь ткнулась мордой в стог, возле которого стоял какой-то крестьянин с вилами, набравший сено для коровы, волки прекратили преследование. В нищете, поддерживаемая только старухой, матерью и сестрой Ксенией, Елена поднимала де-

тей, пока муж воевал. О Ксении мне известно вот что – лет тридцати она бежала из ссылки через тундру, едва не замёрзла, наткнулась на чум местных жителей, кого-то из народностей Севера. Дома была одна женщина. Смуглая узкоглазая северянка едва понимала русский язык. Но как-то они объяснились, хозяйка сжалась над русской беглянкой, дала ей еды и сказала: “Переночуешь в сарае, потому что скоро мой муж вернётся с охоты – не надо, чтобы он видел тебя”. Наутро показала Ксении дорогу к станции. Ксения рассказала бабушке о том, что якобы, когда по реке на плотах везли ссыльных монахинь, они молились, и вдруг деревья, стоявшие по берегам, стали кланяться им. Но это уже из области возвышенных религиозных преданий, которые всегда были любимы русским народом.

Дедушка мой, Николай Александрович Струков родился 10 мая 1909 года в селе Туголуково Борисоглебского уезда, ныне Жердевского района, умер в феврале 1988 года в селе Чащино Тамбовской области. Родителей его звали Александр Семенович и Евдокия Ильинична Струковы. У Николая были три брата – старший Василий, младшие – Иван и Алексей. Прадед Александр был из богатой семьи, а жену взял из бедной – за красоту, оберегал ее и любил, и жена намного пережила Александра. Умерла в Котовске, после мужа и троих сыновей, едва ли не в 112 лет. . .

В Котовск прадед Александр перевез семью после подавления антоновского мятежа, спасаясь от репрессий. Во время тамбовского восстания Струковы были его участниками.

Родовое село Струковых Туголуково появилось как казачий хутор Туголуков около 1719 года, основали его несколько донских казаков, получивших наделы от государя за службу на южных рубежах России. В архивах сохранились их имена, среди которых – Фёдор и Никифор Струковы. Кем они были – братьями или отцом и сыном – мне неизвестно. Предполагаю, что прибыли из Воронежа. А самые первые упоминания фамилии Струковых относятся к Туле – городу оружейников.

Село Туголуково, по словам старожилов, получило такое название оттого, что здесь гнили какие-то особые луки. Кроме этого, жители занимались коневодством. А ещё Туголуково славилось своими яблоневыми садами и по осени вело большую торговлю фруктами. Оно и сейчас утопает в яблоневых садах, а раньше было ещё краше.

Кстати, насчёт луков. Мне было пять лет, когда дедушка сделал для внучки игрушечный лук из большой кленовой ветки, и после, будучи школьницей, я каждый год делала лук и стреляла, а в студенческие годы отыскала в Москве клуб лучников и арбалетчиков. К сожалению, занятия там оказались мне не по карману. Но это отступление. . .

Продолжаю рассказ о семье, в которой вырос мой дедушка Николай. Его отец Александр Семёнович в молодые годы легкомысленно заявил отцу – зажиточному крестьянину:

– Батя, пахать не хочу. Купи гармонь, буду на свадьбах играть и так зарабатывать.

Потом женился по своей воле на красавице-бесприданнице и отделился от родителей. И пошли от прадеда Александра, который гармонь предпочёл плугу, Струковы, которым всё бы рисовать, лепить, в театре играть, сочинять стихи. Но об этом позже. А годы молодости гармониста Александра пришлось на Первую мировую и революцию. Зимой 1921 года в селе Туголуково был расквартирован оперативный штаб 1-й партизанской армии. Есть мнение, что антоновское восстание началось не в селе Каменка, а в Туголуково с нападения дезертиров на обозы продотряда в 1918 году. У села Туголуково была репутация “бандитского”, половина его жителей ушли к Антонову добровольно. В селе произошло несколько жестоких казней красногвардейцев. А красные брали в Туголуково заложников, убили большое количество людей, каждый из которых был, так или иначе, близок повстанцам. Когда я в 2005 году приехала в Туголуково, посмотреть на родину предков, мне показали деревянное здание старой школы, где антоновцы посекли саблями пленных продотрядников, стены в выщерблинах. Планировка села несколько хаотична, но это уже следственные истории – к крупному центральному селу лепятся еще несколько, более поздней постройки. Не улицы, а завихрения галактики. Буйное цветение садов: через изгороди, из проулков – пышное разноцветье сирени, яб-

лонь, жасмина, каштанов, бузины. Когда-то здесь собирали высокие урожаи, бурно развивалось местное производство. Ещё в середине XIX века действовало несколько небольших заводиков, восемь мельниц, пять кузниц, семь лавок, ямской двор. В Туголуковскую волость входили соседние, граничащие с ним села и деревни – Петровское, Дорогая, Старое Туголуково, Красная горка, были хутора и отруба.

Туголуковцы никогда не были крепостными, это оказало влияние на их характеры – самостоятельные, сильные, но эти черты всегда не нравились власти. После революции, поначалу, в Туголукове лояльно отнеслись к большевикам. Многие туголуковцы воевали у Чапаева, Буденного, Щорса. Конфронтация между крестьянами и новой властью началась из-за грабительских норм продразвёрстки, реквизиций и первых попыток коллективизации. Тогда и появилось определение “тамбовский волк”. Тухачевский покончил с партизанами в августе 1921 года, методы применялись радикальные. Наконец, махнув рукой на политические идеи, крестьяне поневоле вернулись к осиротевшим пашням, к голодным семьям. Со временем колхоз окреп, началось строительство новых школ, больницы, культурных учреждений. По свидетельству местного краеведа Анны Дмитриевны Сурковой, перед Великой Отечественной войной в Туголукове проживало 8000 человек, 1820 из них пошли на фронт, большинство из них добровольно – тут мне кажется любопытным наблюдением, что так рвались защищать Родину потомки антоновских повстанцев из эпицентра недавнего мятежа, нужно оценить сознательность людей, отбросивших счеты с новой властью во имя спасения Родины. Туголуковцы защищали Брестскую крепость, сражались за Ленинград, Курск, Орел, Смоленск. Возле школы огромная стела с фамилиями погибших бойцов, среди которых – десятки Струковых. Наша кровь. Через село, петляя, течёт узкая речка Савала, впадает в Хопёр. Я смотрела на крутой откос противоположного берега, и чудились на его волнистом гребне под жарко-синим небом Дикого поля всадники-мятежники из лихой банды. От буйной казачьей крови Струковых и жестоковейно-упрямых страдальцев за веру Кочетковых родился во мне вечный бунт против подлых законов мира.

У прадеда Александра и Евдокии было четверо сыновей: Василий, Николай, Алексей, Иван. Василий стал кадровым офицером, благополучно вернулся с войны, его сын Саша от жены Анны впоследствии также стал военным. Василий был яркой сильной личностью, его любили женщины, и Анна, насколько я знаю, была лишь очередной из жён. Тем удивительней казалось, что он увлечён керамикой, лепил, обжигал, дарил сувениры родным. Николай, мой дедушка, всегда любил живопись и рисовал действительно профессионально. Младший брат Иван играл в Тамбовском театре. А вот про Алексея ничего не знаю, только то, что, несмотря на плохое зрение, ушёл добровольцем на фронт. Иван тоже ушёл добровольцем. И эти двое младших Струковых погибли, защищая Ленинград. Иван похоронен возле села Тосно.

Дедушка мало говорил о войне, но что-то мне запомнилось. Например, лучшим его фронтовым товарищем был чеченец. Дедушка отмечал, что человек этот отличался исключительной отвагой и благородством. Дружья были готовы пожертвовать жизнью друг за друга.

Осталась в памяти и пара рассказов. События первого произошли в Польше. Советские части передислоцировались из одного населённого пункта в другой. Солдаты, и среди них мой дед, ехали в грузовиках среди полей. Заметили за посадками дгорающее село, где недавно кончился бой. А на обочине – идущую куда-то молодую женщину с грудным ребёнком. Командир приказал остановить машину, женщину задерживают – опасались немецких шпионов. Она плачет: дом сгорел, надо идти к родным в соседний посёлок. Дедушка заметил: командиру жаль задержанную, но приказ есть приказ, надо отвезти её в штаб и допросить. Через некоторое время машины остановились, солдатам разрешили отдохнуть, поесть. Женщина говорит, что хочет покормить ребёнка. Она стыдится солдат, отошла в сторону. Командир приказал побыть с ней рядом одному из бойцов. Прошло какое-то время, они не возвращаются. Слышится выстрел. Командир посылает дедушку взглянуть, что там происходит. Дедушка говорит: я прошёл через посадки, вижу – лежит

на траве наш солдат – убитый. Рядом ребёнок – тоже мёртв, голова разбита о ствол берёзы. Женщины нет. Значит, действительно не полячка, а немка. Видимо, ухитрилась вытащить из кобуры своего охранника ствол, прикончила парня, а ребёнка убила уже от ярости, да и был он, конечно, чужим – подобрала в сгоревшем селе для маскировки. И бежала...

Вторая история. Когда советские войска захватили очередной немецкий город, то, естественно, вели обыски – не спрятались ли где недобитые гитлеровцы. И вот заходят бабушка с товарищем в одну квартиру. Там только пожилая испуганная дама. Солдаты уже собрались выйти, и вдруг дедушкин однопольчанин видит на стене скрипку. И узнаёт её – скрипку эту оставил дома, уходя на фронт. Потом слышал, что город был разрушен, родные пропали. Мой дедушка хорошо знал немецкий, спрашивает у хозяйки, как скрипка попала к ней. Она отвечает: сын прислал из России. Сейчас его уже нет в живых, погиб на фронте. Скрипка осталась как память, он был музыкантом. Но призвали в армию, пошёл воевать... Она понимает, что происходит что-то не то, снимает скрипку, протягивает дедушкиному товарищу. Русский солдат берёт – да, это его инструмент. И тогда он начинает играть. По щекам хозяйки текут слёзы, солдат тоже плачет. Горе потерь сблизило их, музыка помогла понять друг друга. Уходя, солдат оставил скрипку немке...

Бабушка отмечала, что иные привезли с фронта дорогие трофеи, а дедушка захватил только набор открыток с репродукциями картин немецких художников, с которых позже копировал лирические пейзажи, да губную гармошку.

* * *

Мои младшие сестры родились одна на четыре года позже меня, другая на шесть лет. Для младшей я стала крёстной. Крестили в соседнем городе Балашове. Помню: иду вокруг купели с невесомым младенцем на руках. Много позже узнала, что нельзя девочке становится крёстной для девочки – отдаст крестнице своё счастье. Порой мама, занятая с младшими сестрами, отвозила меня к бабушке на Тамбовщину. Село Чащино, бывшая станица Зверевое. У бабушки и деда высокий деревянный дом, крашенный коричневой краской, под бордовой крышей. Усадьба просторная. Кроме большого яблоневого сада – видимо, дедушка не мог забыть знаменитые туголуковские сады, – огород и луг. За лугом и садом глубокий овраг, поросший гигантскими клёнами и осокорями, опутанный плющом. Овраг тянется через село до далёкой реки Вороны. Село стоит на высоком берегу, а на противоположном, плоском – узкая полоса леса. Двор Струковых отгорожен от улицы плетнём, да, настоящим плетнём, тогда он был прочен. В детстве я играла на песке возле него, пронизанного тонкими стеблями цветущей повители. Играла в малывы: мы с соседской девочкой срывали несколько цветков и считали их принцессами, живущими во дворце из лопухов. В саду стояли сараи, в одном из которых хранились дедушкины кисти, краски, холсты, трафареты лозунгов, потому что порой его просили нарисовать плакаты для сельсовета или клуба. Меня тянуло в эту мастерскую. Но маслом я рисовать не умела, зато дедушка регулярно дарил мне акварель, фломастеры, альбомы и красивые записные книжки для стихов. Первое стихотворение я сочинила в четыре года и с детских лет серьёзно относилась к творчеству. Родные поощряли это увлечение.

Одна из стен чащинского дома была специально заклеена широким листом бумаги, где я – ещё дошкольница – могла рисовать, помню, что это были машины и люди. В самой большой комнате находился иконостас. Там были иконы самого разного времени, письма и происхождения. Современные – на холсте, древние – на дереве, журнальная репродукция с кающейся Магдалиной. Крошечные и большие образа висели над треугольным столом, на котором теснились прутья высохшей вербы, пучки свечей. У стола внизу крепилась полка, где лежали массивные тома “Жития святых”, а на полу под ним стояли банки со святой водой от разных праздников.

Всю жизнь бабушка признавала одно лечение – просфору и святую воду. Она надеялась на Бога и ценила силу живой природы. Говорила о том, как

чист воздух в деревянном доме и как любим ею яблоневый сад, посаженный дедушкой. Когда я ребёнком гостила в Чашино, бабушка покупала у соседней парное молоко и обязывала меня выпивать литровую кружку.

Она и дедушка гуляли со мной по селу. Помню бурты пшеницы и ржи у тока. Огромные ивы на лугу. Резные, разноцветные крылечки домов, где сидят женщины, что-то обсуждая. Вот мой дядя Лев Николаевич вернулся с рыбалки, и в ведре с водой ждёт своего часа большая щука, бабушка остерегает: “Не трогай”...

В Чашино было много книг: научных – по алгебре, геометрии, физике, и художественных. Я часто перечитывала повести Гоголя и поэмы Лермонтова. Были альбомы открыток с репродукциями и учебники: как работать с масляными красками, как рисовать людей, животных, пейзажи. Дедушка дарил мне, ученице младших классов, сборники классиков: Фет, Тютчев, Бунин.

Верующим он не был. В вопросе религии они с бабушкой разошлись, но не спорили на эту тему. Она ездила по церквям и монастырям, беседовала с отшельницами и старыми священниками, соблюдала все обряды и посты. Теперь я думаю: интерес к религиозной философии зародился у меня тогда, был он и у бабушки, рассуждавшей о судьбах святых, о православию и его влиянии на историю, на судьбы людей. О Боге и мире... Библия – толстый том с гравюрами Доре – была прочитана мною в детстве несколько раз и воспринималась как историческая книга.

Историческая литература всегда интересовала меня. Мне было десять лет, когда попросила бабушку научить меня церковно-славянскому. Тогда я была очень увлечена поэмой “Слово о полку Игореве” и мне хотелось читать её в оригинале – с репродукций листов старинной рукописи, размещённых в какой-то книге. Старинные слова я уже понимала. Бабушка открыла псалтырь, обшитый вытертым от времени чёрным бархатом, с царём Давидом на развороте, и дала мне первый урок. “Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...”. Я помню этот псалом и отрывки из других наизусть. В церковь я ходила, бабушка даже пыталась настроить меня петь в церковном хоре, но таланта не обнаружилось. Да и личное отношение к вере было сложным.

* * *

На Тамбовщине мы жили в селе, где тогда была единственная на весь район церковь. Открыли её после того, как бабушка с ещё одним человеком, имени его не помню, съездила в Москву к какому-то высокопоставленному чиновнику. После обращения к нему в селе разрешили построить молитвенный дом. Прежнюю настоящую церковь с высокой колокольней поджёг в годы создания колхоза по собственной инициативе какой-то пьяный комсомолец. Она сгорела, на этой территории – напротив школы – позже поставили памятник солдатам, погибшим в Великую Отечественную. Школу закрыли несколько лет назад, она пережила несколько войн, революцию, но не реформы, изгнавшие из села молодёжь.

Видимо, бабушку привлекала именно церковь, когда она расхваливала маме тамбовские края, уговаривая переехать из Романовки. Представлялось сказочное село на зелёной горке, увенчанной белой церквушкой. Действительность оказалась гораздо непригляднее. Сырой кирпичный дом с решетками на окнах. Неприветливая обстановка. На всё село несколько фамилий, все родня друг другу. Мы словно попали в чужое племя. Никакого благолепного русского крестьянства, о котором любят ворковать писатели-деревенщики. Я выходила за околицу и с тоской глядела в сторону потерянной родины – Романовки. Это была ностальгия эмигранта. Свою родину я потеряла в семь лет. И если в стихах звучала любовь к родине, то это именно посёлок в Саратовской области. Бабушка разделяла наши проблемы. Отдавала часть пенсии маме, которой пришлось поднимать троих детей. Тамбовщина запомнилась нищетой и чуждым окружением. У меня было несчастливое детство. Бабушка умела находить радость в вере, ничего не требуя от Бога, но мне нужны были доказательства. То, что было для моих близких одухотворено высшим смыслом, для меня осталось открыто-ярким набором ритуалов.

Православные праздники.

Рождество: за домом огромный сугроб – до крыши, дорожки в глубоком снегу. Ёлка. Бабушка с улыбкой слушает, как мы – три девочки – поём по её просьбе: “Рождество твоё Христе Боже наш...”.

Крещение: на столе свеча и чашка с водой. Бабушка утверждает, что когда Христос войдёт в волны далёкого Иордана, вода вздрогнет. И я жду этого отзвука, этого шага то ли из прошлого, то ли из будущего – с берега в воду, в Палестине с гравюр Доре, где под пальмами на волнистом песке – караваны, воины, пророки и красавицы.

Вербное: бабушка старается хлестнуть нас, уворачивающихся от неё, пушистой веткой вербы: “Верба, хлёт, бей до слёз на доброе здоровье!”.

Пасха: накануне мама печёт куличи, порой мы на всю ночь идём в церковь. Крестный ход вокруг белого здания среди берёз; свечи в ночи, звёздное небо над нами, блеск окладов, украшенных цветами из фольги, высокие хоругви.

Троица: на лугу рвём охапки травы, вперемешку с цветами и люцерной разбрасываем по полу.

Помню, что после Ильина дня не ходили купаться на пруд.

Освящённые яблоки Спаса...

Бабушка любила петь духовные стихи на библейские сюжеты. У неё был хороший музыкальный слух и звучный голос. Любимые произведения были переписаны ею в тетрадь. Позже я заинтересовалась, кто авторы текстов, и обнаружила, что в большинстве своём это русские поэты-классики. Другие сочинения оказались народными старообрядческими. Кажется, больше всего ей нравился стих “Христос и самарянка”: “Под тенью навеса на выступе гладком Сидел у колодца Христос, Пришла самарянка обычным порядком. Наполнила свой водонос. Христос попросил поделиться водою, Она же сказала в ответ: “Ведь я самарянка, а с нашей средою Общениа, кажется, нет”. Христос ей сказал: “Если б только ты знала, Кто воду живую творит, Сама бы просила, сама бы искала Того, кто с тобой говорит”...

Она знала много народных притч, апокрифов, странных мистических историй из реальной жизни, где людям являлись святые и нечистый. Некоторые истории были весёлыми, бабушка умела рассказывать с юмором. Например, о загулявшей колхознице, которую, когда она возвращалась под хмельком домой через морозное поле, предложили подвезти на санях бесы, да так подвезли, что она, случайно перекрестившись, очнулась, сидя на краю проруби, в которую уже опустила ноги.

Кроме околоцерковной литературы, для чтения она предпочитала общественно-политические издания. К демократам относилась не лучше, чем к коммунистам, будучи скорее монархисткой. Всё лучшее для неё осталось в дореволюционной имперской России. И в современности бабушка любила то, что напоминало о патриархальной старине, где в основе бытия – вера и труд.

Для меня проблемой сельской жизни был картофельный огород. Его вспахивали по старинке, нанимая пахаря с лошадью, шли вслед, бросая семенную картошку в борозду. Потом пололи, окучивали. Я воспринимала это как каторгу. Бабушка – как естественную часть существования. Когда гостила у нас, многие хозяйственные дела начинались по её инициативе. Это был человек старой закалки. Из старой, корневой России, строившей жизнь в соответствии с определёнными принципами верности устоям, семейным заветам. Послереволюционная ломка общества вынудила её покинуть родные края, оторвала от родных, оставив только воспоминания и веру.

Во взаимоотношениях с людьми она старалась быть беспристрастно-вежливой и выносила только взвешенные суждения. Считала, что каждый будет судим по своим делам, и молилась за врагов.

В сёлах послевоенного времени среди обычного люда порой ещё появлялись подвижники, напоминающие монахов в миру, а может, и бывшие ими. Одним из них был некий Петр Григорьевич. Бабушка много рассказывала о нём – смиренный молитвенник, очень мудрый. Когда односельчане стали слишком превозносить этого старичка за праведную жизнь, Петр Григорьевич совершил странный поступок: явился на свадьбу к соседям и стал отплясывать там столь лихо, что тут же подвергся осуждению знакомых: “Древний старик, а так и чешет вприсядку, да ещё и выпил, наверное”. Через несколько минут один из гостей случайно заметил Петра Григорьевича, сидящего за амбаром на траве. Старичок снял сапоги, перевернул их вниз голенищем, и оттуда потекла кровь. Гость не сдержался, подбежал к Петру Григорьевичу:

– Что происходит?

– Не рассказывай никому. Я внутрь гвозди набил, остриями вверх. А плясать пошёл, чтобы люди святым не считали, не хвалили, пусть видят, что и я грешный простой человек, как все.

Но и в годы моего детства в глуши можно было наблюдать подобных личностей. Из соседнего села ездил на автобусе в нашу церковь Ваня, белолицый, с русыми кудрями паренёк. Ваня был умным, начитанным, фанатично увлечённым религией. До такой степени, что отказался признавать все государственные институты, сжёг паспорт, не вступил в комсомол, отверг возможность учиться, жил отшельником, стремился только спасти свою душу. Говорили, что носит вериги.

Да, не только в старину появлялись на Руси такие характеры, которые небесное царство предпочли всему.

Монашка Евгения Золотая, прозвище такое. Крайний домик на улице. Бабушка рассказывает: Евгения с простодушной гордостью показывала ей своё монашеское облачение, приготовленное на смерть. Очень ей было по душе, что будет в нём лежать в гробу. Другая бабушкина знакомая заранее купила себе гроб и порой спала в нём. Бабушка останавливалась у неё, когда ездила в Балашовскую церковь.

Очень чтила за мудрость нашу старенькую односельчанку Марию Константинову.

Православная Россия жила параллельно советской, а потом перестроечной России – где-то по медвежьим углам сидели старушки-прозорливицы, выстраивались очереди за советом к монастырским старцам, люди ездили к святым родникам, передавали сны, в которых являлись святые угодники, из церкви приносили брошюры, где рассказывалось о грядущем электронном концлагере. И странно, что я ещё подростком узнала это, в глухом селе. Откуда пришли эти полузапретные тексты? Кажется, из Русской церкви за рубежом. Бабушка говорила, что после всех событий, описанных у Иоанна Богослова, однажды в небе появится огромный крест, это и будет началом Страшного суда...

Дедушка умер в Чащино зимой 1987 года. Морозная пурга была в тот день, мать не могла поехать в соседнее село, оставив нас. Чтобы отвлечь детей от печальной новости, отдала нам подготовленные к Новому году игрушки, но я не отреагировала на подарки. Игрушки эти навсегда остались для меня вещами того чёрного дня.

Весной мать поочерёдно отлежала с обеими моими сёстрами в больнице. Я бродила по улицам мрачная, в мальчиковом коричневом пальто, ждала самого худшего. Появилось мироощущение взрослого человека, подавленного неприятностями. Думаю, тогда и кончилось детство. Летом меня, двенадцатилетнюю, впервые напечатали в местной газете...

Позже я видела дневник, который дедушка вёл в последние годы. Запомнилось, что на исходе дней он переписал туда строки Есенина: “До свиданья, друг мой, до свиданья. Жизнь моя, иль ты приснилась мне...”.

На память остался старый фотоальбом да несколько картин. И фамилия Струковых, под которой я решила публиковаться.

Бабушка пережила мужа на шестнадцать лет. Она всегда живо интересовалась судьбами своих детей и внуков, правнучки Виктории. Читала наши статьи и стихи. Поучала, наставляла и, критикуя меня, сурово подчёркивала:

– Таких в нашем роду – не было!